

Електронна бібліотека видань історичного факультету Харківського університету

Чувпило Л. А. Из истории индологии в Харьковском университете: Д. Н. Овсяннико-Куликовский // **Материалы международной конференции молодых историков.** – Харьков, 1994. – С. 219 – 224.

При використанні матеріалів статті обов'язковим є посилання на її автора з повним бібліографічним описом видання, у якому опубліковано статтю. Дана електронна копія статті може бути скопійована, роздрукована і передана будь-якій особі без обмежень права користування за обов'язкової наявності першої (даної) сторінки з повним бібліографічним описом статті. При повторному розміщенні статті у мережі Інтернет обов'язковим є посилання на сайт історичного факультету.

Адреса редакційної колегії:

Україна, 61077, Харків, пл. Свободи, 4,
Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна,
історичний факультет. **E-mail:** istfac@univer.kharkov.ua

©Харківський національний університет ім. В. Н. Каразіна; історичний факультет

©Автор статті

©Оригінал-макет та художнє оформлення – зазначене у бібліографічному описі видавництво

©Ідея та створення електронної бібліотеки – А. М. Домановський

Документи свідчать, що вже в вересні 1931 р. був голод в багатьох районах республіки, який весною 1932 р. набув значного поширення¹. Тільки прихід літа відвернув у 1932 р. його дальше поглиблення. Однак, новий, вже нищівний голод стояв на порозі, який лютував з осені 1932 р. по кінець 1933 р.

Навіть один і той же дослідник в різних статтях дає різні дані стосовно початку масового голодомору. Так, в статті «Трагічна статистика голоду» С. В. Кульчицький пише, що масовий голод розпочався у лютому 1933 р.², а в другій своїй статті «Між двома війнами (1921—1941 рр.)», він вказує, що це почалося з березня 1933 р.³.

С. В. Кульчицький вважає, що найвищої точки голодомор досяг у літні місяці 1933 р.⁴. А в передумові до збірника «Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів» відмічається, що пік цього страшного лиха припав на весну — літо 1933 р.⁵

Цей огляд історичної літератури з проблеми голодомору в Україні дає підставу зробити такий висновок: дана проблема потребує свого подальшого вивчення. Лише ретельне дослідження документів та матеріалів дасть змогу написати історію голодомору 1931—1933 рр. в Україні.

Л. А. ЧУВПИЛО

**ИЗ ИСТОРИИ ИНДОЛОГИИ В ХАРЬКОВСКОМ УНИВЕРСИТЕТЕ:
Д. Н. ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКИЙ**

Видным ориенталистом-индологом, известным не только в Харькове, но и за его пределами, был ординарный профессор по кафедре сравнительного языкознания и санскрита Харьковского университета Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский (1853—1920). Он родился 23 января 1853 г. в м. Каховка, Таврической губернии в дворянской семье (более подробно см.: 1, с. 229—230). Среднее образование получил в Симферопольской классической гимназии (окончил курс в 1871 г.), а высшее — в Новороссийском университете на историко-филологическом факультете. Окончил курс со степенью кандидата в 1876 г., представив кандидатское сочинение «О языке Повести временных лет». В 1877 г. был оставлен при Новороссийском университете и отправился за границу для приготовления к кафедре сравни-

¹ Український історичний журнал, 1989. — № 7. — С. 99—108.

² Кульчицький С. В. Трагічна статистика голоду, с. 68.

³ Кульчицький С. В. Між двома війнами (1921—1941 рр.). Сторінки історії України ХХ століття, К., 1992. С. 90.

⁴ Там же.

⁵ Голод 1932—1933 років на Україні: очима істориків, мовою документів, с. 8.

тельного языкознания и санскрита. За границей пробыл 5 лет, занимаясь преимущественно санскритом и текстом Зенд-Авесты. Большую часть времени провел в Париже, где изучал древнеперсидский, новоперсидский и древнееврейский языки.

Возвратившись в 1882 г. в Россию, защитил при Московском университете для получения права приват-доцентуры небольшой этюд из области ведийской мифологии под заглавием «Разбор мифа о соколе, принесшем цветок Сомы» (см.: 6). Будучи вслед за тем избранным в приват-доценты историко-филологическим факультетом и советом Новороссийского университета, с января 1883 г. начал чтение лекций по санскриту и сравнительной грамматике санскрита и древних иранских языков. В 1884 г. при Харьковском университете выдержал экзамен на степень магистра сравнительного языкознания и санскрита, а в следующем 1885 г. там же защитил и магистерскую диссертацию. В 1887 г. в Новороссийском университете защитил диссертацию на степень доктора и в том же году был назначен экстраординарным профессором в Казанском университете, откуда в 1888 г. переведен ординарным профессором в Харьковский университет, где работал до выхода в отставку в 1905 г.

В Харьковском университете ученый занимал кафедру сравнительного языковедения и санскрита, которая ведет свое начало с 1805 г. (тогда она называлась кафедрой восточных языков и сравнительного языкознания). Здесь Д. Н. Овсяннико-Куликовский читал курсы по сравнительной грамматике, санскриту, общему языкознанию и психологической критике словесных произведений, которые стали и темами его научных исследований. По выходе в отставку в 1905 г. Д. Н. Овсяннико-Куликовский в связи с плохим состоянием здоровья фактически прекратил свою преподавательскую и научную деятельность, а чтение его лекционных курсов продолжил П. Г. Риттер.

Значительная часть научных и научно-популярных трудов ученого посвящена древней Индии, ее верованиям и языкам. Так, его магистерская диссертация называлась «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности». Ее первая часть посвящалась культу божества Сомы в древней Индии эпохи вед. Она была издана в Одессе в 1883 г. в «Записках Новороссийского университета» и отдельно объемом в 240 с. (см.: 5). В 1884 г. вышла из печати работа «Зачатки философского сознания у индусов» (см.: 3). В 1887 г. — «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед» (см.: 4), а в 1889 г. — в Париже на французском языке было опубликовано сочинение Д. Н. Овсяннико-Куликовского, посвященное описанию культа огня в «Ригведе» (см.: 8). В 1892 г. появились «Ведийские этюды», где помещался большой материал об Индре и сынах Адиты (см.: 2). В том же году научная общественность России познакомилась

с большой статьей о религии индусов в эпоху вед, подводившей итог многолетним исследованиям ученым вед и ведизма (см.: 7, с. 172—231).

Изучая данные ведийских текстов, особенно тысячу с лишним гимнов древнейшего письменного памятника Индии «Ригведы», которые оформились в единый сборник приблизительно в XI—X вв. до н. э. ученый проследил продвижение индоарийских племен на восток и освоение ими долины Ганга, проанализировал их экономическое и политическое развитие, попытался установить районы обитания индоариев, выделив в этом отношении район нынешнего индийского штата Пенджаб, взаимоотношения пришельцев с местным населением, влияние его религиозных представлений на индоариев, провел лингвистический анализ «Ригведы» и других ведийских сборников. При этом главным предметом рассмотрения стали религиозные воззрения индийцев эпохи вед, их мифологические представления.

Анализируя верования ведийских племен, складывавшихся на протяжении длительного отрезка времени, Д. Н. Овсяннико-Куликовский пришел к выводу, что ведизм, представлявший собой древнейшую форму религиозного сознания индусов, являлся такой же великой религией, как и возникшие вслед за ним брахманизм и буддизм. Считая ведизм религиозной системой в виде комплекса религиозных представлений и соответствовавших им культовых действий, внутри которой выделялись различные верования, исследователь отметил, что приблизительно в 1000—800 гг. до н. э. он разложился, оказав большое влияние на брахманизм и другие более поздние религиозные направления (см.: 7, с. 172—173).

Д. Н. Овсяннико-Куликовский обратил внимание на то, что для ведийской религии характерен политеизм, напоминавший политеизм древних греков, — почитание огромного количества богов и божеств, отличавшихся антропоморфизмом (см.: 7, с. 175). Индийцы эпохи вед наделяли явления природы, а также богов, которым поклонялись, свойствами человека, его достоинствами и недостатками. Наряду с антропоморфностью широко встречался и териоморфизм, когда божество выступало в форме бога-животного, сохраняя при этом основную связь с явлениями природы. К богам обращали гимны, которые слагали жрецы, передавая их из поколения в поколение, пока они не были собраны в сборники, получившие название вед; среди них первое место принадлежало «Ригведе». Изучение ее гимнов позволило ученому произвести классификацию богов, дав ему полное основание утверждать, что центральная идея ведизма — это идея культа и теософия культовых божеств — Агни и Сомы (см.: 7, с. 176).

Отличительным признаком богов являлось бессмертие. По мнению исследователя, бессмертные боги и богини — это обоготворенные явления природы; их бессмертие не обходилось без под-

Держки культа, а культ находился в руках людей, стало быть, люди являлись некоторым образом блюстителями бессмертия богов. Божество как бы ожидало от смертных подтверждения и признания своего бессмертия, как и других атрибутов. Первоисточники бессмертия — священный огонь (Агни) и священный напиток Сомы, игравшие весьма важную роль в религиозной системе ведизма (7, с. 185—186). К ним люди обращались с молитвами и приносили жертвоприношения. Молитву Д. Н. Овсяннико-Куликовский считал неотъемлемой частью культа, которому индусы придавали исключительное значение. Он подчеркивал, что в ведийскую эпоху молитва еще не отделилась от культа; сама по себе она бы не дошла до божества и не могла бы на него должным образом воздействовать. Поэтому молитва на том этапе развития индийского общества всегда сочеталась с жертвоприношением (7, с. 181).

Основой культа считался Агни, поскольку только с его помощью люди посылали богам свои дары, а жертвенный костер рассматривался как источник бессмертия богов, которые и достигли его благодаря Агни. Тем самым Агни выступал как связующее звено между богами и людьми. Культу бога огня, который восходил к древнему представлению об огне как основе благополучия домашнего очага, и был назван в «Ригведе» хранителем дома, Д. Н. Овсяннико-Куликовский посвятил специальное исследование (см.: 4). На основе детальнейшего изучения гимнов «Ригведы» он здесь пришел к выводу, что необходимо различать три священных огня: огонь домашний или родовой, огонь общинный или сельский и огонь союзный, т. е. принадлежавший союзу племен. По своему происхождению огонь делился на земной, небесный, солнечный и огонь молнии (см.: 4, с. 1). О большом значении священного огня у индусов свидетельствовал словарь эпитетов Агни, составленный Д. Н. Овсяннико-Куликовским. Он занял 60 страниц исследования и насчитывал 831 эпитет (см.: 4, с. 60—120). В конце книги автор пришел к следующему важному заключению: «Итак в эпоху Вед индусы поклонялись не одному, а трем земным огням: домашнему, общинному и союзному. Развитие культов и концепций этих трех священных огней шло в ногу с развитием самой гражданственности арийцев Семиречья и, будучи тесно связано с успехами жреческих семей, подготавливало грядущее торжество кастовых порядков» (4, с. 59).

Культу бога священного опьяняющего напитка — Соме отводится много места во всех вышеназванных индологических трудах Д. Н. Овсяннико-Куликовского. Объектом специального исследования он стал в первой части сочинения о вакхических культах индоевропейской древности, где сравнивались вакхические культы древних индийцев, иранцев и греков (см.: 5). Автор обратил внимание, что Сомы, как и Агни, считался основой бессмертия богов. Хотя употребление других спиртных напитков не одоб-

рялось и даже рассматривалось как зло, люди, подражая богам, стремились испить священный и бессмертный напиток Сомы, считая, что после его употребления они объединяются с богами в единое целое.

Анализируя этимологию имени Сома, Д. Н. Овсяннико-Куликовский пришел к выводу, что это тот, кто выжимает сок, «то, что дает сок». Это и растение сома, из которого добывался опьяняющий напиток, и само божество этого напитка, представленное в виде небесного жреца, его изготавливавшего. Процедура выжимания сока из растения и изготовления священного напитка, детально описанная в гимнах «Ригведы», превращалась в священнодействие с элементами таинства и мистики, хотя это был всего лишь сок горного растения, смешанный с водой, кислым молоком и ячменными зернами. После брожения получался крепкий опьяняющий напиток, который обоготворялся; ему приписывались сверхъестественные силы (см.: 5, с. 8—10).

Важнейшим условием, при помощи которого Сома приобретал свою чудодейственную силу и приводил человека в экстаз, являлось пение гимнов. В выдвинутой ученым концепции экстаза отмечалось, что пение гимнов, служа причиной экстаза, являлось в то же время и результатом последнего (см.: 5, с. 50). Говоря о значении употребления Сомы, Д. Н. Овсяннико-Куликовский писал: «Потребление опьяняющего напитка дало могучий импульс дальнейшему развитию психической деятельности. Он окрылял фантазию, развязывал язык, развивал общительность, подвигал вперед поэтические, творческие и культурные инстинкты человека» (5, с. 24). Поклонение напитку он приравнивал к поклонению огню. «Поклоняясь огню и напитку, люди обоготворили свои собственные изобретения, поклонились делу рук своих... Оба изобретения имели колоссальное значение на ранних ступенях общественности», — резюмировал автор (5, с. 23).

Описывая легенду о похищении у богов соколом цветка Сомы и передачи его людям, напоминающую древнегреческую легенду о похищении огня Прометеем, Д. Н. Овсяннико-Куликовский подчеркнул, что индусы различали Сому земного и Сому небесного, причем земной рассматривался как воплощение небесного (см.: 5, с. 16). Он насчитал в «Ригведе» 40 эпитетов Сомы в 120-ти гимнах, обращенных непосредственно к нему, что свидетельствовало о всеобъемлющем характере Сомы, воплотившем в себе функции и силы, присущие и другим божествам. В частности, Сома отождествлялся или сравнивался с солнцем, небом, землей, наделялся различными качествами и символами, в том числе и человеческими, изображался то в виде божества половой любви, то в виде различных животных, особенно быка. Это дало основание Д. Н. Овсяннико-Куликовскому считать Сому в некотором роде верховным божеством, наделенным множеством самых разнообразных качеств и функций (см.: 5, с. 129—189).

Подводя итог сказанному, следует отметить, что Д. Н. Овсяннико-Куликовский внес значительный вклад в изучение религиозных воззрений, культуры, истории и языка населения древней Индии. Многие соображения относительно религии индоариев ведийской эпохи, развития их культуры и языка не утратили своего значения и в наше время, а поднятые им некоторые важные вопросы «арийской проблемы» до сих пор являются спорными и требуют еще своего решения. Например, дискуссионными остаются вопросы откуда и какими путями индоарийские племена пришли на территорию Индостана, в какой его области они впервые появились, о прародине ариев, об уровне их цивилизации и уровне цивилизации коренного индийского населения, языке и письменности древних индийцев и иранцев, некогда живших вместе, образуя так называемую индоиранскую общность, о датировке их письменных памятников и ряд других.

Д. Н. Овсяннико-Куликовский был ученым-энциклопедистом, владевшим многими восточными и европейскими языками. Глубина и обширность его знаний поразительна, охватывая историю, культуру, литературу, языки, фольклор, этнографию и другие области человеческой деятельности. Это был подлинный специалист своего дела, беззаветно ему преданный, во многом опередивший своих западноевропейских коллег, которые в большинстве своем оправдывали колониализм, отказывая в праве народам Индии развиваться самостоятельно и свободно. Труды Д. Н. Овсяннико-Куликовского выгодно отличаются свободой от расовых и религиозных предрассудков, стремлением дать глубокое научное описание истории и культуры народов Индостана, скрупулезнейшей работой с оригинальными источниками. Достоинством их также является стремление автора мыслить самостоятельно, глубоко и оригинально, его большая эрудиция и широта интересов. В этом отношении Д. Н. Овсяннико-Куликовский явился одним из основателей прогрессивного направления в славянской ориенталистике, возглавляемого выдающимся востоковедом Н. Я. Бичуриным.

Литература

1. Историко-филологический факультет Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). Х., 1908.
2. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Ведийские этюды. Х., 1892.
3. Его же. Зачатки философского сознания у индусов. Одесса, 1884.
4. Его же. К истории культа огня у индусов в эпоху Вед. Одесса, 1887.
5. Его же. Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности. Одесса, 1883.
6. Его же. Разбор мифа о соколе, принесшем цветок Сомы. М., 1882.
7. Его же. Собрание сочинений. Спб., 1909. Т. 6.
8. Его же. Les trois feux Sacrés du Rig-Veda Paris, 1889.